

ное». Дальше говорится: «Сим же раздаяном на ученье книгам събытся пророчество на Русьстей земли, глаголющее: „Во оны днии услышать глушии словеса книжная, и ясн будеть язык чугнивых“. Си бо не беша преди слышали словесе книжнаго, но по божую строю и по милости своей помилова бог, яко же рече пророк».⁸ Если бы автор летописи имел в виду греческое письмо и греческую литературу, он не мог бы сказать, что книжное слово стало уже понятным для русских. Ясно, что здесь речь идет о славянской письменности, которая распространялась среди русских, и что слова «ученье книжное» нужно понимать в смысле обучения на славянском языке, которое проводилось с помощью славянских книг. Здесь бесспорно говорится о славянских, и ни в коем случае не о греческих книгах. Значит, в самом акте крещения принимали участие болгары, с болгарскими книгами, хотя и в качестве посланцев царьградского патриарха.

Можно ли полагать, что учителя, у которых дети бояр усваивали «ученье книжное», были греками? Гораздо правильнее было бы думать, что эти учителя — славяне, пользующиеся славянскими книгами, ибо только такие учителя могли бы ясно и понятно преподнести русским христианскую религию, о чем и говорится в «Повести временных лет». Вот что говорит по этому поводу Е. Голубинский: «Выше мы начинали речь о сношениях Владимира с болгарами. Несомненно, что он имел эти сношения, хотя известные пока исторические памятники ничего и не говорят о них; он должен был иметь их, потому что славянские богослужебные книги он мог получить только от болгар и никак не от греков, о чем скажем ниже. Мы говорили, что положительные признаки, на основании которых следовало заключить, что Владимир входил в сношения с болгарами прежде греков, весьма ненадежны и что вопрос должен быть решаем исключительно в области простой вероятности. В этой последней области представляется вероятнейшим думать, что Владимир входил в сношения с болгарами прежде начала сношений с греками. Ранее или позднее он должен был приобрести от болгар славянские богослужебные книги. А если так, то естественно думать, что он позаботился о них прежде крещения народа, так чтобы к сему последнему иметь уж их готовыми. Но, приобретая от болгар книги, Владимир не мог не позаботиться о приобретении вместе с тем и священников, которые могли бы быть приготовителями его народа к христианству...».

Е. Голубинский считает, что сообщение летописца о войне Владимира в 985 г. касается не волжских болгар, как это думал Карамзин, а дунайских болгар: «Иде Володимер на болгары с Добрынею с уем своим в лодьях, а торьки берегом приведе на коних».⁹

7. В своем «Слове о законе и благодати» митрополит Иларион считает лишним разъяснять проповедь пророков Христа и апостольское уче-

⁸ Повесть временных лет, ч. I. Текст и перевод. М.—Л., 1950, стр. 81.

⁹ Е. Голубинский. Обращение всей Руси в христианство Владимиром... — ЖМНП, ч. 190. СПб., 1877, стр. 144. Основываясь на вышеуказанных словах в «Повести временных лет», И. И. Срезневский пишет: «Все книги, нужные для русского христианина того времени, были уже в употреблении у других славян, между прочим и у болгар и славян византийских: от них перешли они и в Русь, как можно заключить отчасти и по языку. Из сказаний о книгах, которыми обогатили старославянскую письменность братья первоучители Кирилл и Мефодий и их ученики и последователи, а равно и другие ревнители христианства у славян в IX—X веке, можно заключать, какие именно книги могли быть перенесены на Русь в первое время введения христианства... Впрочем, вышеприведенные слова летописи напоминают только о таких книгах, которые считались в то время самыми необходимыми для учения, т. е. псалтыри, евангельских чтений и молитвенников» (И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка. СПб., 1882, стр. 10).